

Илона Светликова, Никита Калиновский, Мария Фесенко*

НЕБО И ЗАКОНЫ**

АСТРОНОМИЯ, АСТРОЛОГИЯ И ПОЗИТИВИЗМ НА РУБЕЖЕ XX В.

Аннотация: Отталкиваясь от фрагмента Василия Розанова об астрономии, Огюсте Конте и гороскопах, наше исследование уточняет сложные идейные отношения астрономии и астрологии в интеллектуальной культуре рубежа XIX – XX веков. Обе эти дисциплины были тесно связаны с позитивизмом: главная цель науки — поиск законов — отождествлялась ключевым элементом позитивной философии. Для Огюста Конта и его последователей астрономия стала образцом наиболее развитой позитивной науки. С одной стороны, именно в астрономии было выработано понятие неизбывных законов природы. С другой — успех астрономии предопределил интерес позитивистов к астрологии и не только с критической точки зрения. Астрология рассматривалась, прежде всего, как одна из ступеней в развитии человеческих знаний, тесно связанная с постепенным прогрессом в понимании законов истории, что отразилось на росте интереса к истории астрологии в конце XIX – начале XX веков. В настоящей статье мы постараемся определить историческую логику, которая соединяет позитивизм, астрономию и астрологию (что может быть не до конца очевидно с точки зрения современного читателя) на рубеже двадцатого столетия. В статье мы реконструируем возрастающий исторический интерес к астрологии, анализируя позитивистские источники, которые являются ключом к трактовке астрологических текстов через интеллектуальный язык на рубеже XX в., что позволяет обнаружить одно из проблемных полей, в которое была вовлечена астрология. Отправной точкой нашего исследования станет книга Василия Розанова «Апокалипсис нашего времени», которая является синтезом позитивистских настроений и интереса к астрологии, объяснительный потенциал которых сочетается с апокалиптическими ожиданиями начала прошлого столетия.

Ключевые слова: Огюст Конт, позитивизм, астрономия, астрология, Василий Розанов, законы природы, законы истории.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-4-90-112.

*Светликова Илона Юрьевна, PhD, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), isvetlikova@hse.ru; Калиновский Никита Алексеевич, студент, Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», nkalinovskiy@edu.hse.ru; Фесенко Мария Олеговна, студент, Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», mofesenko@edu.hse.ru.

**© Светликова, И. Ю.; Калиновский, Н. А.; Фесенко, М. О. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 19-04-044) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Мы благодарим Варвару Кукушкину и Павла Юпина за ценные наблюдения и помощь в работе над статьей.

Отождествление задач науки с поиском законов было одним из ключевых элементов позитивной философии (Cassirer, Woglom & Hendel, 1950: 7; Pickering, 2009: 43). Образцом состоявшейся науки для Конта часто служила астрономия, на материале которой он обдумывал природу и цели научного знания¹. Это предопределило и его интерес к астрологии, причем, — вопреки распространенным представлениям о позитивизме, игнорирующим чрезвычайно важный для Конта тезис об относительности знаний и подразумевающим несовместимость позитивизма с «псевдонаукой», — вовсе не только критический. Влиятельность позитивизма во второй половине XIX — начале XX вв. способствовала тому, что астрономия и астрология оказались вовлечены в сетку впоследствии распавшихся идейных связей, наделявших обе эти сферы ускользающими от современного читателя значениями. Мы попытаемся прояснить историческую логику, соединявшую позитивизм, астрономию и астрологию в сознании рубежа XX в. В этой цепочке нас особенно занимает последний элемент. Фактически именно поиск факторов, способствовавших зарождению исторического интереса к астрологии, приходящемуся как раз на этот период, — интереса, продержавшегося с разной степенью интенсивности на протяжении всего XX в., стоящего за созданием ряда выдающихся сочинений по истории культуры и сохраняющегося до сих пор (Grafton, 2000) — служит основным импульсом нашего исследования.

Из всех известных нам документов исторические нюансы взаимоотношений позитивизма, астрономии и астрологии наиболее полным образом отражены в книге, которая не имеет отношения ни к философии, ни к науке, представляя собой вольную фиксацию событий и настроений революционной эпохи, а именно в «Апокалипсисе нашего времени» (1918) Василия Розанова. Это случайность, но у нее есть определенные предпосылки: во-первых, в молодости, которая по времени совпала с оживленными дискуссиями вокруг позитивизма, Розанов предполагал стать философом и был хорошо знаком с позитивистской литературой²; во-вторых, его сосредоточенность на проблемах пола

¹О превосходстве астрономии над математикой в системе Конта см. Pickering, 2009: 49.

²Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на позитивизм и позитивистов в сочинениях Розанова. Разбору позитивизма посвящена часть статьи «Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии» (Розанов, 1890), вошедшей в сокращенном виде в сборник «Природа и история» (1900) под названием «Философские влияния в русском обществе» (Розанов, 2008: 119–139).

и рождения по-своему логично сочеталась с интересом к астрологии³; в-третьих, характерные для начала XX в. апокалиптические ожидания, запечатленные (хоть и весьма своеобразным образом) в этой поздней книге Розанова, нередко сопровождались вниманием к небесным явлениям и интересом к астрологическим схемам.

Как бы то ни было, следующий фрагмент, который кажется простым и не требующим комментария, на деле обладает такой полнотой исторического смысла, которая делает его отличным введением в целый круг забытых и полузабытых проблем:

Есть ли связь планеты с обитающим ее человеком? [...] Шепчут ли звезды? Или они только тупо и пусто, как пустые горшки, движутся, по Копернику? Об этом говорили гороскопы. «Глупое знание древности», на которое при новой науке не обращается никакого внимания. Но «новая наука» даже за месяцы только не предрекала и теперешней войны. И, словом, «*savoir pour grévoir*» Конта — именно в контизме его, именно в позитивизме, как-то плоско расшиблось... (Розанов, 2000: 50).

Далее мы рассмотрим, во-первых, тот слой значений этого фрагмента, который связан с астрономией и позитивизмом; во-вторых, — отразившиеся здесь представления о сходстве астрологии и позитивизма.

1.

Обратимся к сравнению «глупого знания древности» с «новой наукой». Речь идет вовсе не о простом противопоставлении позитивистской науки «ненаучному знанию», понятном и без комментария⁴. Это противопоставление основывается на определенных идейных тенденциях, которые нуждаются в реконструкции.

Прежде всего, необходимо подробнее остановиться на той роли, которую играла астрономия в философии Конта. Конт серьезно занимался астрономией; единственное его выступление в Академии наук было посвящено астрономии (Tresch, 2012: 266). На протяжении многих лет, с 1831 по 1848 гг., он читал лекции по астрономии по воскресеньям

³См., напр., обсуждение астрологии в переписке Розанова с Павлом Флоренским: (Розанов, 2010: 52, 256).

⁴Во втором случае Розанов берет «новую науку» в кавычки, что несколько противоречит данному утверждению. Всякий читатель, имеющий даже самые скромные представления об интеллектуальной истории, мгновенно поймет, что Розанов имеет в виду знаменитое сочинение Джамбаттиста Вико. Однако без дополнительных комментариев (см. ниже) эта очевидная отсылка к Вико ничего не дает для понимания анализируемого фрагмента.

в мэрии третьего аррондисмана (Bensaude-Vincent, 1991: 50; Pickering, 1993: 435–437). Знаменитая «Речь о духе позитивной философии», представляющая основные идеи «Курса позитивной философии» (последний, 6-й том, которой вышел в 1842 г.), и знакомством с которой часто ограничивается знакомство с философией Конта, представляет собой вступление к основанному на материалах курса по астрономии «Философскому трактату о популярной астрономии». Не успев в срок, к марту 1844 г., закончить весь трактат целиком, Конт опубликовал речь отдельно в количестве трехсот экземпляров (Bensaude-Vincent, 1991: 50–51), и так она и публикуется до сих пор; о том, что это извлечение из астрономического трактата помнят в основном специалисты по Конту. Между тем, подобное сопряжение «духа позитивной философии» с астрономией вовсе не случайно. Астрономия привлекала Конта по целому ряду причин (Pickering, 1993: 337, 436, 577–580). В частности, Конт полагал, что изучение небесных явлений, отмеченных очевидной повторяемостью и закономерностью, оказывает дисциплинирующее влияние на ум, препятствует умственной анархии и, таким образом, является неперменной основой общественного здоровья (Comte, 1844: IX–X; Comte, 1851: 458, 498–504)⁵. Именно в астрономии, с точки зрения Конта, начался переход к наиболее совершенной, т. е. «позитивной» стадии развития человечества: «первым влиянием позитивной философии» стала система Коперника, уничтожившая теологические представления о человеке как о центре вселенной (Comte, 1830: 11; ср.: Конт, Савич, 1900: 7).

Подобное отношение к астрономии сохраняется (пусть иногда и не в полной мере) и последователями Конта. В журнале «Позитивная философия», издававшемся Эмилем Литтре и Григорием Вырубовым, Литтре печатал свои астрономические стихи (Littré, 1867: 142–148)⁶. У мыслителей близких к позитивизму и у популяризаторов позитивизма астрономия упоминается как пример первой (и по времени возникновение, и по уровню современных достижений) науки:

Цель науки есть предвидение, — направление и регулирование действия. Наши предки направляли путь свой по звездам, хотя знали о них слишком немного: для них было достаточно верно определения немногих относительных

⁵Об астрономическом курсе Конта в контексте популярной астрономии XIX в. см. Christen, 2014: 13–16 (список литературы, посвященной философским и социально-политическим импликациям контовской астрономии см.: *ibid.*: 15, п. 43).

⁶При этом теоретические взгляды Литтре на место астрономии в классификации наук не совпадали со взглядами Конта (Littré, 1863: 288–294).

положений. Их преемники построили выработанную астрономическую науку, не исследуя сущности тяготения и удовлетворившись определением его закона. То же мы видим везде и во всем (Льюис, 1875: 201)⁷.

Заметим, что предвидение стало восприниматься в качестве цели науки в XIX в. (Daston, 2017: 140–141), по-видимому, не без влияния того самого лозунга Конта, который в нашем фрагменте цитирует Розанов: «знать, чтобы предвидеть»; для Конта же этот лозунг был связан прежде всего с астрономией, открывшей законы, которые служат основанием для «рационального предвидения» (Конт, Шапиро, 1910: 19)⁸.

В ту же эпоху мы встречаем характерные ссылки на астрономию и в формулировках основ и задач новых наук (Гельмгольц, Козина, 1896: 35). Эдвард Тайлор завершает первую главу «Первобытной культуры» (1871) сравнением исследований в области древней истории человечества с изучением звезд. Здесь же появляется полемическая отсылка к Конту, утверждавшему, что астрономии недоступны исследования в области химического состава и физических свойств небесных тел (Тэйлор, Коропчевский, 1872: 22; Comte, 1844: 109). Проводя аналогию между пределом, положенным Контом астрономическим исследованиям, и хронологическими рамками традиционных исторических исследований, Тайлор сопоставляет антропологию со спектральным анализом, успехи которого опровергли взгляды Конта (Тэйлор, Коропчевский, 1872: 22). В данном случае важна не полемика с Контом⁹, но проявляющаяся в этой полемике соотношенность размышлений Тайлора о задачах антропологии с позитивизмом, в рамках которого образцовой наукой была астрономия. Приведенные рассуждения следуют за вполне позитивистским утверждением о том, что современная наука все больше убеждается в том, что «если закон есть где-нибудь, он должен быть везде» (там же). Характерно само сочетание элементов, которые используются при «закладке» фундамента новой науки: вездесущий и несокрушимый закон, астрономия и позитивизм, критика

⁷Ср., напр.: Littré, 1845: 29; Ward, 1898: 210.

⁸Конт отталкивался в этом от Сен-Симона, который утверждал: «Ученый [...] — это человек, который предвидит. Наука полезна именно тем, что она дает возможность предсказывать», иллюстрируя данный тезис примерами из области астрономии (Сен-Симон, Цетлин, 1948: 126–127; см. также: Pickering, 1993: 67).

⁹См. ценный (и близкий по времени к «Первобытной культуре») комментарий Ивана Лапшина, касающийся представлений Конта о невозможности исследований слишком отдаленного от нас в пространстве и времени: Лапшин, 1906: 165–166.

которого в данном случае не должна заслонять тот факт, что сама эта конфигурация в сознании конца XIX в. была тесно связана с Контом.

С влиянием позитивизма следует также соотнести представление об истории астрономических открытий как о стержне магистрального движения европейской мысли от отождествления причин физических и исторических процессов с божественным вмешательством к идее имманентных законов:

Именно она [астрономия] дала человеку понятие о законах природы, отменив чудо и удовольствие божка, созданного по образу человека [supprimant le miracle et le bon plaisir d'un petit dieu conçu à l'image de l'homme]... (Flammarion, 1894: 438)¹⁰.

Краткая формулировка Фламмариона получает развернутое выражение у Анри Пуанкаре:

Вы знаете, что представлял собою человек на Земле за несколько тысяч лет до нашего времени, и что представляет он теперь. Один, окруженный природою, где все для него было тайной, смущаемый каждым неожиданным проявлением непостижимых для него сил, он был неспособен видеть в мировом процессе что-либо кроме произвола; он относил все явления к действию множества мелких гениев, своенравных и взывательных, и чтобы воздействовать на мир, он старался склонить их к себе средствами, подобными тем, которые употребляются с целью снискать расположение министра или депутата. Даже его неудачи не просвещали его – подобно тому как ныне проситель, которого выпроводили, еще не бывает обескуражен до такой степени, чтобы прекратить свои искания.

В настоящее время мы уже не обращаемся к Природе с просьбами: мы приказываем ей благодаря тому, что мы открыли некоторые из ее тайн и ежедневно открываем новые. Мы приказываем ей во имя законов, которых она не может не принять – ибо это ее законы; мы не обращаемся к ней с нелепым требованием изменить эти законы – мы первые готовы подчиниться им. [...] Какому изменению должен был подвергнуться наш ум, чтобы перейти

¹⁰В XVIII в. под влиянием открытий Ньютона астрономия и астрономические законы были моделью для других наук, и это отражалось, помимо прочего, и на представлениях об истории культуры. «История астрономии» (1758) Адама Смита представляет собой краткий очерк европейской интеллектуальной истории. Однако о законах природы Смит почти не пишет. С другой стороны, Лаплас, часто упоминая в «Системе мира» (1796) о физических законах, в основном пишет именно об астрономии, а не о философии или культуре. Так же дело обстоит и с более поздними известными нам историями астрономии. Представление о ключевой роли астрономии в открытии идеи имманентных законов (т. е. о том, что именно астрономия «дала человеку понятие о законах природы») и тем самым – в истории культуры получает развитие именно у Конта.

от одного состояния к другому! Можно ли думать, что он переродился бы столь быстро без влияния уроков небесных светил [...]? [...] Астрономия — прежде всего — открыла нам существование законов (Пуанкаре, Бачинский и Соловьев, 1906: 112–113).

Чуть ниже Пуанкаре упоминает о том, что Конт придерживался тех же взглядов на значение астрономии:

Не видели ли мы только что, как благодаря именно Астрономии человечество перешло, — употребляя его [Конта] способ выражения, — от фазы теологической к фазе позитивной. В этом-то он отдавал себе отчет, так как это был факт (там же: 118).

Однако рассуждения самого Пуанкаре опираются вовсе не на тот же «факт», который был ясен и Конту, поскольку «это был факт», а на определенное представление об исторической роли астрономии, которое получило наиболее полное выражение именно в позитивной философии¹¹. Тем характерней, что Пуанкаре ссылается на Конта вовсе не для того, чтобы указать на важный источник своих размышлений¹², но лишь для того, чтобы дистанцироваться от этого источника, пожурив Конта за пресловутую «близорукость» относительно перспектив астрофизики¹³.

¹¹Реконструируя историю понятия «физический закон» и не раз упоминая об астрономии (прежде всего, в связи с этимологией самого слова «астрономия», второй корень которого образован от греческого «номос», т. е. закон), Эдгар Цильзель указывает на то, что понятие закона природы в современном смысле впервые встречается в «Рассуждении о методе» (1637) Декарта (Zilsel, 1942: 252, 267–268). В заданной Цильзелем исторической перспективе астрономия вовсе не играет той центральной роли в процессе формирования научных представлений о законе, которая отводилась ей в анализируемых нами источниках.

¹²Возможно, отразившийся и на деталях рассуждения Пуанкаре. Ср. умственный эксперимент, который он приглашает проделать читателей, представив плачевное состояние знаний человечества, которое жило бы «под небом, постоянно покрытым облаками, как небо Юпитера» и «никогда не знало бы звезд» (Пуанкаре, Бачинский и Соловьев, 1906: 112) с иллюстрацией относительности знаний у Конта: у человечества не было бы астрономии, если бы «атмосфера, через которую мы наблюдаем небесные тела, оставалась всегда и всюду туманной» (Конт, Шапиро, 1910: 18). Подробнее о понятии относительности у Конта см. ниже.

¹³Помимо Тайлора (см. выше) можно было бы привести множество других примеров; критика данного заблуждения Конта стала общим местом, и, по-видимому, отчасти способствовала сравнительно слабой изученности нашей темы. Сталкиваясь с регулярными ссылками на ошибочные представления Конта об одной из областей астрономии, легко подумать, что между позитивизмом и астрономией нет ничего общего.

Представление об астрономическом происхождении идеи научного закона оказалось востребованным и за пределами истории науки. В исследовании, посвященном картине Эдуарда Мане «Завтрак на траве», Аби Варбург прослеживает изменения, которые претерпел центральный мотив этой картины, образ нимфы, впервые встречающийся на античных саркофагах, указывая на связь этих изменений с развитием научных взглядов на природу:

Между судом Париса на античном саркофаге и «Завтраком на траве» Мане происходит решительное изменение в учении о причинах фундаментальных явлений природы. Представление об имманентной закономерности природных процессов полностью лишенное личностного характера, прогнало с небес весь сварливый правительствующий совет с его человеческими страстями (Варбург, Мазур, 2018: 28).

Даже если бы в черновике Варбург не упомянул Коперника (там же: 29), близость этого текста к цитированным фрагментам Фламариона и Пуанкаре привела бы нас к выводу, что размышления о научных законах, изгнавших сварливых богов с их человеческими страстями (ср. «удовольствие божка, созданного по образу человека»), подразумевают астрономию. Помещая астрономию в положение исторической оси, по которой совершалось развитие культуры, Варбург двигался не в одиночку, имея возможность использовать для своих целей распространявшиеся под влиянием позитивизма представления об исторической роли астрономии в формировании современных взглядов на мир.

Возвращаясь к Розанову и подытоживая первую часть нашей статьи: астрономия в «Апокалипсисе нашего времени» — это воплощение новой, т. е. позитивистской науки, что реализует заложенную в сознании рубежа веков возможность теснейшей связи астрономии с позитивизмом. Конта (не говоря о его последователях и противниках) продолжали читать. Насыщенная астрономией «Речь о духе позитивной философии» вышла по-русски в 1910 г. У Розанова были основания смотреть на астрономию как на выражение позитивистского духа, а на позитивизм как нечто полнее всего реализовавшееся в астрономии.

2.

Теперь следует рассмотреть противопоставление астрономии и астрологии в цитированном фрагменте «Апокалипсиса нашего времени». Обратим внимание на три момента.

Во-первых, несмотря на то, что Розанов считает астрономию наукой, игнорирующий «связь планеты с обитающим ее человеком»¹⁴, он подбирает для характеристики астрономии хозяйственные метафоры (планеты — «пустые горшки», движущиеся «по Копернику») и сравнивает ее с «позитивным мужиком», который считает мешки муки (Розанов, 2002: 101)¹⁵. Это вовсе не следствие простой ассоциативной связи позитивизма и утилитаризма. Очевидно, Розанов знает, что астрономия у Конта проникнута духом соотнесенности с человеком. Именно этим обстоятельством диктовалось то ограничение, которое Конт считал необходимым наложить на астрономические исследования: последние должны были касаться лишь солнечной системы; выходящее за ее пределы, по его мнению, было недоступно для человечества и безразлично для его нужд (Comte, 1844: 112–115; Pickering, 1993: 578). Забота же Конта о популяризации астрономических знаний, как мы видели, питалась идеей их особой полезности для общества.

Во-вторых, Розанов выдвигает против позитивизма обвинение в том же роде, что часто выдвигался против астрологов: позитивистская наука, нацеленная на предвидение, не смогла предугадать войны¹⁶.

В-третьих, противостоящая «глупому знанию древности» «новая наука» берется в кавычки не только по ассоциации с Вико, чьи идеи в современных Розанову источниках обсуждались как глубоко родственные позитивистским¹⁷, но в знак того, что позитивистская наука —

¹⁴В книге «Возрождающийся Египет», над которой Розанов работал параллельно с «Апокалипсисом нашего времени», Розанов называет астрономию наукой «чужой» (Розанов, 2002: 101) т. е. изображающей мир чужим для человека — в отличие от астрологии, связывавшей человека с миром.

¹⁵По-видимому, мешки муки в связи с астрономией появляются у Розанова не случайно. Скорее всего, он имеет в виду восходящее к Вильяму Гершеллю предположение о том, что существует «связь неурожайных годов и цены хлеба с периодом солнечных пятен» (Чижевский, 1924: 22–23; ср. Серафимов, 1900: 772). Мы благодарим за это наблюдение Варвару Кукушкину.

¹⁶Ср. типичный упрек в адрес астрологов в письме Лютера Меланхтону: «Говорили нам о Всемирном потопе, или Великом наводнении, что должно было прийти в 1524 г., да только не пришло; а вот в прошедшем, двадцать пятом, году крестьяне взяли да взбунтовались. Об этом ни один астрологус слова не сказал» (Варбург, Козина, 2008: 270–271).

¹⁷Конт читал Вико и считал его одним из великих предтеч позитивизма (Pickering, 2009: 297). Подобная точка зрения была распространена и среди читателей Конта. Ограничившись примерами из русских источников, упомянем М. М. Ковалевского, называвшего Вико «предшественником Конта и всей современной социологии» (Ковалевский, 1906: 201), и Н. К. Михайловского, который посвятил «Новой науке» специальный очерк (начинающийся с характерной в данном контексте ссылки на Сен-Симона), где Вико прямо

это «новая» наука в кавычках, то есть наука, лишь претендующая на новизну. Именно поэтому Розанов цитирует позитивистский лозунг «знать, чтобы предвидеть», подчеркивая, что тот бесплодно «расшился» в «контизме»; предполагается, что астрология, существовавшая под тем же лозунгом, успешно справлялась с этой задачей.

Обращает на себя внимание, что Розанов не только разводит астрономию с астрологией как воплощения противоположных мировоззрений, но и сближает их. Это также представляется не случайным. Вольно или невольно Розанов, по-видимому, и здесь движется по подсказке Конта. Во-первых, Конт полагал, что в астрологии, несмотря на все нелепости, запечатлелась верная интуиция связи человека с космосом (Comte, 1838: 402), ставшего у Конта периода позитивной религии одним из предметов культа, «Grand Milieu», которому человечество обязано своим существованием. Во-вторых, Конт считал, что астрология играла немаловажную роль в прогрессе наших знаний о механизмах исторического процесса: так как она способствовала постепенному внедрению идеи закона и отказу от ложных представлений о власти индивидуальной воли (Comte, 1842: 243). Иначе говоря, подобно тому, как Розанов изображает астрономию и астрологию не как простые противоположности, из которых он выбирает астрологию, но сближает их, делая астрономию «бедной родственницей» «благородной» астрологии, Конт, делая выбор в пользу астрономии, вовсе не отрицает астрологию.

Более того, позитивистские взгляды на роль закона в истории подчас прямо сравнивали с астрологическими, так что и в этом отношении комментируемый нами фрагмент не столько плод остроумия Розанова, сколько след определенных исторических соотношений. Здесь полезно напомнить о том принципиальном пункте позитивистской доктрины, который мог косвенно влиять и на рост интереса к астрологии, и на уровень знаний о ней на рубеже XX в. Речь идет о ключевом для позитивизма представлении об относительности знаний (Конт, Шапиро, 1910: 17–18; Pickering, 2009: 41). Понятие относительности, воплощением которой для Конта служит астрономия (находящаяся, с его точки зрения, в полной зависимости от одного чувства, чувства зрения, и потому невозможная «у слепого вида, каким бы разумным мы его ни предполагали» (Конт, Шапиро, 1910: 18), последовательно переносится Контом

сопоставляется с Контом (Михайловский, 1897: 90). Розанов мог помнить и о том, что в «Новой науке» астрономии отведено заметное место (о Вико он прямо упоминает в статье «Смена мировоззрений» (1895) (Розанов, 2010: 141).

на историю развития наук. Каждая ступень человеческого знания относительна, и потому достойна изучения. Воспользуемся формулировкой из письма Конта Николаю I:

...спонтанная готовность к пониманию и прославлению прошлого в целом составляет наиболее характерную особенность позитивной философии, всегда относительный характер которой единственный мог придать, наконец, историческим концепциям необходимую полноту (Конт, Камутенья, 2000: 242).

Позитивистское представление об относительности знаний способствовало большему распространению интереса к истории наук, в том числе и тех, которые к таковым уже не относились¹⁸.

Энтони Графтон недавно напомнил, что одним из пионеров изучения астрологии был немецкий историк Фридрих фон Бецольд (Grafton, 2000: 74). Астрология интересовала Бецольда как «жизнеспособное произведение человеческой мысли и чувства», которое «управляло убеждениями и побуждало к действиям, либо оказывало влияние на них» (Bezold, 1892: 29). В своей монументальной «Истории реформации» (1900 г.) Бецольд реконструирует социальный статус астрологии в XVI в. (интерес к которой объединял все слои общества) и ее политическую роль. Чтобы лучше представить источники и характер представлений об астрологии в начале XX в., заметим, что «Историю реформации» читали вовсе не только историки (как Варбург, который также занимался политическим аспектом астрологии); «История реформации» была в библиотеке Александра Блока и относилась к числу наиболее внимательно прочитанных им книг. Причем пометы в его экземпляре свидетельствуют о том, что и всенародный характер астрологии, и ее причастность политике, с замечательной проницательностью и живостью описанные у Бецольда, привлекли внимание Блока (Бецольд, Пантелеев, 1900: 145, 468; Библиотека А. А. Блока, 1984: 47, 66)¹⁹.

¹⁸Характерен пример П. Л. Лаврова, много занимавшегося историей науки под несомненным влиянием Конта (см. статью Лаврова «Историческое значение науки и книга Уэвеля» (sic!), в которой он специально останавливается на месте истории наук в философии Конта; Лавров, 1868: 51–52, 3-я пагинация). Одним из известных в XIX – начале XX вв. источников по истории астрологии была книга знаменитого французского полимата Альфреда Мори «Магия и астрология в древности и Средние века» (1860), который, судя по вступлению, обдумывал эти предметы, учитывая современный позитивистский контекст (Maury, 1860: 1–6).

¹⁹Помимо этого общего обстоятельства, следует обратить внимание на следующее. Интересно было бы проследить следы подобных представлений в творчестве Блока. В статье «Крушение гуманизма» (1919) Блок, предсказывая рождение новой культуры и нового

Избранный Бецольдом угол зрения, под которым астрология оказывалась не антикварным курьезом, но исторической реальностью, облеченной в подлежащие воссозданию социально-политические формы, естественно сочетался с одновременным подмечанием сходства астрологических воззрений с современными. Современную параллель астрологии Бецольд находил в позитивизме. С подачи самого Конта, общее между ними Бецольд усматривал в стремлении выявить закономерности в историческом процессе (Bezold, 1892: 29): и астрология, и позитивизм фактически устраняли влияние личной воли на исторические события, оказывающиеся, и в рамках астрологии, и в рамках позитивизма, следствием действия определенных законов (расположения небесных светил, либо исторического процесса). Таким образом позитивизм мог служить своеобразной современной аналогией, приближавшей астрологические воззрения к культурному сознанию конца XIX – начала XX вв.

В контексте другого рода — контексте острой критики позитивизма, относящейся к более раннему периоду, не затронутому возрождением астрологии (в отличие от рубежа XX в., когда писал Розанов), — позитивистские поиски законов истории обличались как занятие родственное составлению гороскопов и, таким образом, недостойное историка²⁰. Видя в контовском лозунге «знать, чтобы предвидеть» грубое и неловкое повторение астрологии, Розанов воспроизводит ту же логику, но с обратным знаком.

Рефлексы сопоставления астрологии с позитивистской верой в существование неизблемых законов обнаруживаются и в трудах Варбургской библиотеки, т. е. среди источников, которые сильно влияли на интерес

человека, указывает на «космические соответствия» революционным событиям (Блок, 1962: 114). Неясно, о каких именно соответствиях идет речь (о том, что «мировой пожар» в поэме «Двенадцать», близкой по своим мотивам и идеям к «Крушению гуманизма», подразумевает астрологическую идею соответствия микрокосма макрокосму см. Светликова, 2015: 314–315), однако важно уже то, что поиск подобных соответствий в революционное время, органично сочетаясь с характерным для Блока вниманием к «мировой гармонии» (Блюмбаум, 2017), одновременно перекликается с описанной Бецольдом политической ролью астрологии. Мы предполагаем посвятить этой теме отдельную работу.

²⁰В публичной лекции о задачах истории, прочитанной в 1864 году, английский историк Д. Э. Фруд призывает отстаивать неповторимость исторических явлений и их независимость от позитивистских стадий и законов, а значит и невозможность предсказания будущего, которым занимаются позитивистские историографы, уподобленные составителям гороскопов (Froude, 1931: 23).

к астрологии в XX в. Концовкой опубликованной в 1928 г. статьи немецкого востоковеда Отто Франке о китайской космологии (фактически астрологии), служит цитата из стихотворения Гете «Божественное» (1783):

Nach ewigen, ehernen,	По вечным, железным,
Großen Gesetzen	Великим законам
Müssen wir alle	Всебытия мы
Unseres Daseins	Должны невольно
Kreise vollenden.	Круги совершать.
(Franke, 1928: 44)	(Гете, Вильмонт, 1975: 170)

Слова Гете берутся Франке для иллюстрации «нашей» (как пишет Франке), т. е. современной космологии; и эти слова одновременно не чужды древним представлениям, которым посвящена статья. Выбор Гете в качестве представителя современной космологии проистекал не из анахронического смешения конца XVIII в. с началом XX-го и не был простым следствием характерного для этого времени увлечения литературным и научным творчеством немецкого поэта. Концовка статьи Франке едва ли случайно совпадает с концовкой одной из самых знаменитых научно-популярных книг рубежа XX в., книгой Эрнста Геккеля «Мировые загадки» (Haesckel, 1899: 440), первое издание которой заканчивалось теми же словами Гете. Реконструкцию древней астрологической системы сопровождали подспудные размышления о законах, близкие современному позитивизму. Характерно, что Конт, Геккель и Гете в то время могли восприниматься как выразители одной и той же философии (Wakeman, 1891: 41; Наг, 1995: 56–67, 83–87).

Полезно учесть и то, что позитивизм считался родственным по духу китайской мысли, — мнение, во многом опиравшееся на самого Конта, интересовавшегося Китаем (Наас, 1998: 117–119)²¹. Борьба Конта с умственной анархией, уважение к традициям и поклонение мертвым, характерное для основанной им позитивной религии, подсказывало аналогию с Китаем, где живет народ «враждебный химерам, пустым умствованиям, и склонный думать, что метафизика куда менее необходима для счастья, чем рис» (Valbert, 1885: 218). В одной из появившихся в конце XIX в. книг о Китае содержится симптоматичное утверждение: бесполезно проповедовать среди китайцев европейские идеи, за исключением тех, что можно найти у очень небольшого количества авторов, среди которых на первом месте назван Конт (Daryl [Grousset], 1885: 311).

²¹Представление о близости позитивизма китайской мысли на рубеже XX в. стало общим местом, которое появляется и в русских источниках (Блюмбаум, 2017: 187).

Среди черт, сближавших позитивизм с Китаем, были и взгляды Конта на социальную функцию космологии. Более того, основанная им позитивная религия в той ее части, которая касалась поклонения питающей и поддерживающей Человечество окружающей среде, прямо ориентировалась на образец китайской космологии:

Куль [китайской религии] состоит прежде всего в поклонении Земле и Небу, которые представляют Великий Фетиш и Великую [Окружающую] Среду [le Grand-Fétiche et le Grand-Milieu], связанные в позитивизме [т. е. в позитивной религии] с Великим Существом [Grand-Être] (Comte, 1856: 23; Наас, 1998: 112; Wernick, 2003: 184).

Существовавшая в воображении рубежа веков связь Китая и позитивизма помогает нам лучше представить культурный и интеллектуальный фон, который мог способствовать пробуждению интереса к китайской астрологии.

В случае исследований, касавшихся европейской астрологии, также полезно помнить о позитивизме. Кассирер, который был, вероятно, одним из самых проникательных и благожелательных читателей Конта (Cassirer, Woglom & Hendel, 1950: 38–39, 243–246), не сравнивал астрологические представления с позитивистскими (как это делал Бецольд). Тем не менее, читая в опубликованной к шестидесятилетию Варбурга книге Кассирера «Индивид и космос в итальянской философии» (1927) страницы, посвященные астрологии, мы невольно вспоминаем о позитивизме:

...где [...] силы [управляющие природой] обнаруживают себя ясней всего, где они предстают в наиболее доступном и обобщенном виде, как не в движении небесных тел? Как и во всем, так и здесь, в каждом отдельном событии нужно было увидеть проявления имманентного закона космоса, его всеохватывающего универсального принципа. Таким образом, астрология и магия в эпоху Возрождения не только не противоречат «современному» понятию природы, но скорее даже являются его активными проводниками (Кассирер, Гаджикурбанов и Кузнецов, 2000: 111).

Переход к исследованиям имманентных законов представлен здесь как плод наблюдений за небесными телами, причем астрология не изымается из истории подобных исследований и тем более не предстает в роли фактора, который им препятствовал. Астрология активно в них

участвует. Это совпадает с позитивистскими взглядами и на ключевую роль астрономии в процессе открытия научных законов, и на участие астрологии в этом процессе. Одним из примеров мирного сосуществования приближающихся к современным представлений о природе с астрологическими служат для Кассирера идеи итальянского философа Помпонацци, которые Кассирер передает так:

...если народная вера апеллирует в этих случаях [ведовства, магии, толкования снов, хиромантии, некромантии и проч.] к влиянию персональных сил и волеизъявлений, то для теоретического разума подобные предпосылки, определяющие естественную связь вещей личным произволом, оказываются неприемлемыми. Ни непосредственно-демоническое, ни непосредственно-божественное вмешательство в равной мере не могут для Помпонацци нарушить эту закономерную связь — ведь даже воздействие Бога на мир осуществляется не иначе, как через посредство небесных тел (Кассирер, Гаджикурбанов и Кузнецов, 2000: 113).

В подобном изложении Помпонацци предстает почти современником Петра Лаврова, популяризовавшего позитивистские идеи:

«Произвола нет в природе». Как только эта мысль вошла в убеждение [...] немедленно сделались невозможными все колдуны, шаманы, маги, в ничто обратились все боги древности [...] все эти существа, потому и для того лишь живущие, чтобы нарушать законы природы для удовлетворения своей страсти (Лавров, 1859: 457).

Еще раз подчеркнем, что Кассирер не сравнивал астрологию с позитивизмом. Возможно, в его сознании они существовали как изолированные явления, окруженные контекстуально определенными, индивидуальными историческими значениями, препятствовавшими подобным сравнениям. Однако его книга помогает заметить полезное с точки зрения воссоздания общей панорамы астрологической историографии обстоятельство, которое служит одновременно и косвенным подтверждением того, что отмеченное нами сходство между астрологией и позитивизмом в изложении Кассирера не совсем случайно: в XIX – нач. XX вв. Помпонацци рассматривался как предтеча позитивизма (Poggi, 2010).

Позитивизм и отмеченное сильным влиянием позитивизма обсуждение проблемы научного закона, перекликаясь с астрологией в аспекте, касавшемся соотношения индивидуальной воли и природных законов, приближали астрологию к современности, являясь элементом той умственной почвы, на которой зародился исторический интерес

к астрологии. Знакомство с позитивистскими источниками, открывающее область полузабытых идей, дает ценный инструмент частичного перевода астрологических текстов на интеллектуальный язык рубежа XX в., позволяя заметить одно из проблемных полей, в которое была вовлечена астрология.

ЛИТЕРАТУРА

- Бецольд Ф. фон.* История Реформации в Германии. В 2 т. Т. 2 / пер. с нем. Л. Ф. Пентелеева. — СПб. : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1900.
- Библиотека А. А. Блока : описание. В 3 т. Т. 1 / под ред. К. П. Лукирской. — СПб. : Библиотека Академии наук, 1984.
- Блок А. А.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 6 / под ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1962.
- Бломбаум А. Б.* Musica mundana и русская общественность : цикл статей о творчестве Александра Блока. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- Варбург А.* Язычески-античное пророчество лютеровского времени в слове и изображении // Великое переселение образов : исследование по истории и психологии возрождения античности / А. Варбург ; пер. с нем. Е. Козиной. — СПб. : Азбука-классика, 2008. — С. 227–346.
- Варбург А.* «Завтрак на траве» Мане : формообразующая роль низших античных божеств в эволюции современного чувства природы / пер. с нем. Н. Н. Мазура // Мир образов. Образы мира : антология исследований визуальной культуры / под ред. Н. Н. Мазура. — М. : Новое издательство, 2018. — С. 23–30.
- Гельмгольц Г.* / под ред. О. Д. Хвольсона, С. Я. Терешина ; пер. с нем. слушательниц Высших женских курсов. — СПб. : К. Л. Риккер, 1896.
- Гете И. В.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. Стихотворения / пер. с нем. Н. Вильмонта, Б. Сучкова, А. Аникста. — М. : Художественная литература, 1975.
- Кассирер Э.* Избранное : индивид и космос / пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанова [и др.]. — М. : Университетская книга, 2000.
- Ковалевский М. М.* От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. В 3 т. Т. 3. — М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1906.
- Конт О.* Курс положительной философии. В 6 т. Т. 1. Философия математики / под ред. С. Е. Савича ; пер. с фр. С. Е. Савича [и др.]. — СПб. : Книжный магазин Т-ва «Посредник», 1900.
- Конт О.* Дух позитивной философии : слово о положительном мышлении / пер. с фр. И. А. Шапиро. — СПб. : Вестн. знания (В. В. Битнера), 1910.
- Конт О.* Письмо царю Николаю I от 20 декабря 1852 года / пер. с фр. Л. П. Камутенья // Огюст Конт : взгляд из России / под ред. К. Х. Делокарова, Б. М. Шахматова. — М. : РАГС, 2000. — С. 233–261.

- Лавров П. Л.* Механическая теория мира // Отечественные записки. — 1859. — Т. 123, № 1. — С. 451–492.
- Лавров П. Л.* Историческое значение науки и книга Уэвеля // Отечественные записки. — 1868. — Т. 177, № 3. — С. 36–55.
- Лашин И. И.* Законы мышления и формы познания. — СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко., 1906.
- Льюис Д. Г.* Вопросы о жизни и духе. В 2 т. Т. 2 : пер. с англ. — СПб. : Изд. ред. журнала «Знание», 1875.
- Михайловский Н. К.* Вико и его «новая наука» // Сочинения. В 6 т. Т. 3. — СПб. : Типо-литография Б. М. Вольфа, 1897. — С. 416–432.
- Пуанкаре А.* Ценность науки / пер. с фр. А. Бачинского, Н. Соловьева. — М. : Творческая мысль, 1906.
- Розанов В. В.* Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей передовой литературой по философии // Вопросы философии и психологии. — 1890. — № 3. — С. 1–36.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 12. Апокалипсис нашего времени / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2000.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. Возрождающийся Египет / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2002.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 25. Природа и история : статьи и очерки / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2008.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. Ч. 2. Литературные изгнанники : статьи и очерки / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Республика, 2010.
- Светликова И. Ю.* «Месь Коперника» : комментарий к поэме А. Блока «Возмездие» // Die Welt der Slaven. — 2015. — Т. 60. — С. 300–318.
- Сен-Симон А.* Избранные сочинения. В 2 т. Т. 1 : пер. с фр. / под ред. Л. С. Цетлина. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1948.
- Серафимов В. В.* Солнце // Энциклопедический словарь. В 86 т. Т. 30 / под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. — СПб. : Типография акц. общ. «Издательское дело», 1900. — С. 767–776.
- Тэйлор Э. Б.* Первобытная культура : исследования развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев. В 2 т. Т. 2 / пер. с англ. Д. А. Коропчевского. — СПб. : Изд. ред. журнала «Знание», 1872.
- Чижевский А. Л.* Физические факторы исторического процесса. — Калуга : 1-я Гостиполитография, 1924.
- Bensaude-Vincent B.* L'astronomie populaire, priorité philosophique et projet politique // Revue de Synthèse. — 1991. — Т. 112, n° 1. — P. 49–59.
- Bezold F. von.* Astrologische Geschichtsconstruction im Mittelalter // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 1892. — Jg. 8. — S. 29–71.
- Cassirer E.* The Problem of Knowledge : Philosophy, Science, and History Since Hegel / trans. from the German by W. H. Woglom, C. W. Hendel. — New Haven : Yale University Press, 1950.

- Christen C.* Les leçons et traités d'astronomie populaire dans le premier XIXe siècle // *Romantisme*. — 2014. — Т. 4. — P. 8–20.
- Comte A.* Cours de philosophie positive. En 6 t. Т. 1. Les préliminaires généraux et la philosophie mathématique. — Paris : Bachelier, 1830.
- Comte A.* Cours de philosophie positive. En 6 t. Т. 3. La Philosophie chimique et la philosophie biologique. — Paris : Bachelier, 1838.
- Comte A.* Cours de philosophie positive. En 6 t. Т. 6. Le Complément de la philosophie sociale, et les conclusions générales. — Paris : Bachelier, 1842.
- Comte A.* Traité philosophique d'astronomie populaire. — Paris : Carilian-Gœury, V. Dalmont, 1844.
- Comte A.* Système de politique positive, ou Traité de sociologie, instituant la religion de l'humanité. En 4 t. Т. 1. — Paris : Carilian-Gœury, V. Dalmont, 1851.
- Comte A.* Synthèse subjective : ou, Système universel des conceptions propres à l'état normal de l'humanité. En 4 t. Т. 1. — Paris : V. Dalmont, 1856.
- Daryl, P. [Grousset, P.]* Le monde chinois. — Paris : J. Hetzel, 1885.
- Daston L.* The History of Science and the History of Knowledge // *KNOW: A Journal on the Formation of Knowledge*. — 2017. — Т. 1, n° 1. — P. 131–154.
- Flammarion C.* *Astronomie* // Dictionnaire encyclopédique universel contenant tous les mots de la langue française et résumant l'ensemble des connaissances humaines à la fin du XIXe siècle. En 8 t. Т. 1. — 1894. — P. 435–438.
- Franke O.* Der kosmische Gedanke in Philosophie und Staat der Chinesen // *Vorträge der Bibliothek Warburg 1925–1926* / hrsg. von F. Saxl. — Leipzig : B. G. Teubner, 1928. — S. 1–44.
- Froude J. A.* Short Studies on Great Subjects. In 2 vols. Vol. 1. — London : J. M. Dent & Sons, 1931.
- Grafton A.* *Starry Messengers : Recent Work in the History of Western Astrology* // *Perspectives on Science*. — 2000. — Vol. 1. — P. 70–83.
- Haac O. A.* Auguste Comte et l'Orient // *Revue internationale de philosophie*. — 1998. — Т. 52. — P. 11–126.
- Haeckel E.* Die Welträthselsel. — Bonn : Strauß, 1899.
- Harp G. J.* *Positivist Republic : Auguste Comte and the Reconstruction of American Liberalism, 1865–1920*. — University Park : Pennsylvania University Press, 1995.
- Littré É.* De la philosophie positive. — Paris : Librairie philosophique de Lardange, 1845.
- Littré É.* Auguste Comte et la philosophie positive. — Paris : L. Hachette, 1863.
- Littré É.* Poésies // *La Philosophie positive*. — 1867. — Т. 1. — P. 142–148.
- Maurry A. L.-F.* La magie et l'astrologie dans l'antiquité et au moyen âge. — Paris : Didier, 1860.
- Pickering M.* Auguste Comte : An Intellectual Biography. In 2 vols. Vol. 1. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993.
- Pickering M.* Auguste Comte : An Intellectual Biography. In 2 vols. Vol. 2. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

- Poggi D.* Roberto Ardigò e Pietro Pomponazzi : le radici rinascimentali del positivismo // Pietro Pomponazzi / a cura di M. Sgarbi. — Firenze : LS Olschki, 2010. — P. 435–477.
- Tresch J.* The Romantic Machine : Utopian Science and Technology after Napoleon. — Chicago, London : The University of Chicago Press, 2012.
- Valbert G.* La Chine et les Chinois // Revue des Deux Mondes. — 1885. — Т. 71, n° 3. — P. 213–225.
- Wakeman T. B.* Ernst Haeckel : His Life, Works, Career, and Prophecy // Evolution in Science, Philosophy, and Art : Popular lectures and Discussions Before the Brooklyn Ethical Association / ed. by B. E. Association. — New York : D. Appleton, 1891. — P. 21–58.
- Ward L. F.* Outlines of Sociology. — London : Macmillan & Co. Ltd., 1898.
- Wernick A.* Auguste Comte and the Religion of Humanity : The Post-Theistic Program of French Social Theory. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
- Zilsel E.* The Genesis of the Concept of Physical Law // The Philosophical Review. — 1942. — Vol. 51, no. 3. — P. 245–279.

Svetlikova, I. Yu., N. A. Kalinovskiy, and M. O. Fesenko. 2019. “Nebo i zakony [The Heavens and the Laws]: astronomiya, astrologiya i pozitivizm na rubezhe XX v. [Astronomy, Astrology and Positivism in the Late 19th – Early 20th Centuries]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (4), 90–112.

ILONA SVETLIKOVA

PHD, PROFESSOR,

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, SAINT-PETERSBURG

NIKITA KALINOVSKIY

BA STUDENT AT THE SCHOOL OF ARTS AND HUMANITIES,

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, SAINT-PETERSBURG

MARIYA FESENKO

BA STUDENT AT THE SCHOOL OF ARTS AND HUMANITIES,

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, SAINT-PETERSBURG

THE HEAVENS AND THE LAWS

ASTRONOMY, ASTROLOGY AND POSITIVISM

IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Abstract: Proceeding from a fragment of Vasily Rozanov about astronomy, Auguste Comte and horoscopes, our study clarifies the complex ideological relationship between astronomy and astrology in intellectual culture of the turn of the XIX – XX centuries. Both these disciplines were closely related with positivism: the main goal of science—the search for scientific laws—was identified as a key element of positive philosophy. For Auguste Comte and his followers, astronomy became a model of the most advanced positive science. On the one hand, the

concept of immutable laws of nature was developed in astronomy. On the other hand, the success of astronomy predetermined the positivists' interest in astrology, and not only from a critical point of view. Astrology was considered, first of all, as human knowledge stage of development, closely related to the gradual progress in understanding the laws of history, which was reflected in the growth of interest in the history of astrology in the late XIX – early XX centuries. In this article we will try to determine the historical logic that connects positivism, astronomy and astrology (which *prima facie* may not be completely obvious for the modern reader) at the turn of the XX century. We reconstruct the growing historical interest in astrology by analyzing positivist sources, which are the key to the interpretation of astrological texts through intellectual language at the turn of the XX century, which allows us to discover one of the problem fields in which astrology was involved. The starting point of our research will be Vasily Rozanov's book "The Apocalypse of Our Time", which is a synthesis of positivist moods and interest in astrology, the explanatory potential of which is combined with the apocalyptic expectations of the beginning of the last century.

Keywords: Auguste Comte, Positivism, Astronomy, Astrology, Vasilii Rozanov, Natural Laws, Laws of History.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-4-90-112.

REFERENCES

- Bensaude-Vincent, B. 1991. "L'astronomie populaire, priorité philosophique et projet politique" [in French]. *Revue de Synthèse* 112 (1): 49–59.
- Betsol'd, F. fon [Bezold, F. von]. 1900. [in Russian]. Vol. 2 of *Istoriya Reformatsii v Germanii [Geschichte der deutschen Reformation]*, trans. from the German by L. F. Panteleyev. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye L. F. Panteleyeva.
- Bezold, F. von. 1892. "Astrologische Geschichtsconstruction im Mittelalter" [in German]. *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 8:29–71.
- Blok, A. A. 1962. [in Russian]. Vol. 6 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by V. N. Orlov, A. A. Surkov, and K. I. Chukovskiy. 8 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
- Blyumbaum, A. B. 2017. *Musica mundana i russkaya obshchestvennost' [Musica Mundana and Russian Public]: tsikl statey o tvorchestve Aleksandra Bloka [Series of Articles on Alexandre Blok]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Cassirer, E. 1950. *The Problem of Knowledge: Philosophy, Science, and History Since Hegel*. Trans. from the German by W. H. Woglom and C. W. Hendel. New Haven: Yale University Press.
- Chizhevskiy, A. L. 1924. *Fizicheskiye faktory istoricheskogo protsessa [Physical factors of historical process]* [in Russian]. Kaluga: 1-ya Gostipolitografiya.
- Christen, C. 2014. "Les leçons et traités d'astronomie populaire dans le premier XIXe siècle" [in French]. *Romantisme* 4:8–20.
- Comte, A. 1830. *Les préliminaires généraux et la philosophie mathématique* [in French]. Vol. 1 of *Cours de philosophie positive*. 6 vols. Paris: Bachelier.
- . 1838. *La Philosophie chimique et la philosophie biologique* [in French]. Vol. 3 of *Cours de philosophie positive*. 6 vols. Paris: Bachelier.
- . 1842. *Le Complément de la philosophie sociale, et les conclusions générales* [in French]. Vol. 6 of *Cours de philosophie positive*. 6 vols. Paris: Bachelier.
- . 1844. *Traité philosophique d'astronomie populaire* [in French]. Paris: Carilian-Gœury / V. Dalmont.

- . 1851. [in French]. Vol. 1 of *Système de politique positive, ou Traité de sociologie, instituant la religion de l'humanité*. 4 vols. Paris: Carilian-Gœury / V. Dalmont.
- . 1856. [in French]. Vol. 1 of *Synthèse subjective : ou, Système universel des conceptions propres à l'état normal de l'humanité*. 4 vols. Paris: V. Dalmont.
- Daryl, P. [Grousset, P.] 1885. *Le monde chinois* [in French]. Paris: J. Hetzel.
- Daston, L. 2017. "The History of Science and the History of Knowledge" [in French]. *KNOW: A Journal on the Formation of Knowledge* 1 (1): 131–154.
- Flammarion, C. 1894. "Astronomie" [in French]. In vol. 1 of *Dictionnaire encyclopédique universel contenant tous les mots de la langue française et résumant l'ensemble des connaissances humaines à la fin du XIXe siècle*, 435–438. 8 vols.
- Franke, O. 1928. "Der kosmische Gedanke in Philosophie und Staat der Chinesen" [in German]. In *Vorträge der Bibliothek Warburg 1925–1926*, ed. by F. Saxl, 1–44. Leipzig: B. G. Teubner.
- Froude, J. A. 1931. Vol. 1 of *Short Studies on Great Subjects*. 2 vols. London: J. M. Dent & Sons.
- Gel'mgol'ts, G. [Helmholtz, H.] 1896. *Populyarnyye rechi professora G. Gel'mgol'tsa [Populäre wissenschaftliche Vorträge]* [in Russian]. Vol. 2 of *Populyarnyye rechi professora G. Gel'mgol'tsa [Populäre wissenschaftliche Vorträge]*, ed. by O. D. Khvol'son and S. Ya. Tereshin, trans. from the German by slushatel'nitsy Vysshikh zhenskikh kursov. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: K. L. Rikker.
- Gete, I. V. [Goethe, J. W.] 1975. *Stikhotvoreniya [Short Poems]* [in Russian]. Vol. 1 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, trans. from the German by N. Vil'mont, B. Suchkov, and A. Anikst. 10 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Grafton, A. 2000. "Starry Messengers: Recent Work in the History of Western Astrology." *Perspectives on Science* 1:70–83.
- Haac, O. A. 1998. "Auguste Comte et l'Orient" [in French]. *Revue internationale de philosophie* 52:11–126.
- Haeckel, E. 1899. *Die Welträthsel* [in German]. Bonn: Strauß.
- Harp, G. J. 1995. *Positivist Republic: Auguste Comte and the Reconstruction of American Liberalism, 1865–1920*. University Park: Pennsylvania University Press.
- Kassirer, E. [Cassirer, E.] 2000. *Izbrannoye [Selected Works]: individ i kosmos [Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance]* [in Russian]. Trans. from the German by A. G. Gadzhikurbanov et al. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya kniga.
- Kont, O. [Comte, A.] 1900. *Filosofiya matematiki [Les Préliminaires généraux et la philosophie mathématique]* [in Russian]. Vol. 1 of *Kurs polozhitel'noy filosofii [Cours de Philosophie Positive]*, ed. by S. Ye. Savich, trans. from the French by S. Ye. Savich et al. 6 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Knizhnyy magazin T-va "Posrednik".
- . 1910. *Dukh pozitivnoy filosofii [Spirit of Positive Philosophy]: slovo o polozhitel'nom myshlenii [Discours sur l'esprit positif]* [in Russian]. Trans. from the French by I. A. Shapiro. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vestn. znaniya (V. V. Bitnera).
- . 2000. "Pis'mo tsaryu Nikolayu I ot 20 dekabrya 1852 goda" [in Russian]. In *Ogyust Kont [Auguste Comte]: vzglyad iz Rossii [A View from Russia]*, ed. by K. Kh. Delokarov and B. M. Shakhmatov, trans. from the French by L. P. Kamuten'ya, 233–261. Moskva [Moscow]: RAGS.
- Kovalevskiy, M. M. 1906. [in Russian]. Vol. 3 of *Ot pryamogo narodopravstva k predstavitel'nomu i ot patriarkhal'noy monarkhii k parlamentarizmu [From Direct Democracy to Representative and from Patriarchal Monarchy to Parliamentarism]*. 3 vols. Moskva [Moscow]: Tipografiya T-va I. D. Sytina.

- L'yuis, D. G. 1875. [in Russian]. Vol. 2 of *Voprosy o zhizni i dukhe [The Problems of Life and Mind]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd. red. zhurnala "Znaniye".
- Lapshin, I. I. 1906. *Zakony myshleniya i formy poznaniya [Laws of Thinking and Forms of Cognition]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. V. Bezobrazova i Ko.
- Lavrov, P. L. 1859. "Mekhanicheskaya teoriya mira [Mechanical World Theory]" [in Russian]. *Otechestvennyye zapiski* 123 (1): 451–492.
- . 1868. "Istoricheskoye znachenije nauki i kniga Uevelya [Historical Significance of the Science and W. Whewell's Book]" [in Russian]. *Otechestvennyye zapiski* 177 (3): 36–55.
- Littre, É. 1845. *De la philosophie positive* [in French]. Paris: Librairie philosophique de Ladrance.
- . 1863. *Auguste Comte et la philosophie positive* [in French]. Paris: L. Hachette.
- . 1867. "Poésies" [in French]. *La Philosophie positive* 1:142–148.
- Lukirskaya, K. P., ed. 1984. [in Russian]. Vol. 1 of *Biblioteka A. A. Bloka [Library of A. A. Blok] : opisaniye [Description]*. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Biblioteka Akademii nauk.
- Maur, A. L.-F. 1860. *La magie et l'astrologie dans l'antiquité et au moyen âge* [in French]. Paris: Didier.
- Mikhaylovskiy, N. K. 1897. "Viko i yego 'novaya nauka' [Viko and His 'New Science']" [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya [Works]*, 416–432. 6 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipo-litografiya B. M. Vol'fa.
- Pickering, M. 1993. Vol. 1 of *Auguste Comte : An Intellectual Biography*. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 2009. Vol. 2 of *Auguste Comte : An Intellectual Biography*. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- Poggi, D. 2010. "Roberto Ardigò e Pietro Pomponazzi: le radici rinascimentali del positivismo" [in Italian]. In *Pietro Pomponazzi*, ed. by M. Sgarbi, 435–477. Firenze: LS Olschki.
- Puankare, A. [Poincaré, J. H.] 1906. *T'sennost' nauki [La Valeur de la Science]* [in Russian]. Trans. from the French by A. Bachinskiy and N. Solov'yev. Moskva [Moscow]: Tvorcheskaya mysl'.
- Rozanov, V. V. 1890. "Zametki o vazhneyshikh techeniyakh russkoy filosofskoy mysli v svyazi s nashey peredovoy literaturoy po filosofii [On the Most Important Currents of Russian Philosophy Taking Into Account Our Latest Literature on Philosophy]" [in Russian]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, no. 3: 1–36.
- . 2000. *Apokalipsis nashego vremeni [Apocalypse of Our Times]* [in Russian]. Vol. 12 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2002. *Vozrozhdayushchiysya Yegipet [Resurgent Egypt]* [in Russian]. Vol. 14 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2008. *Priroda i istoriya [Nature and History]: stat'i i ocherki [Articles and Essays]* [in Russian]. Vol. 25 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 2010. *Literaturnyye izgnanniki [Nature and History]: stat'i i ocherki [Articles and Essays]* [in Russian]. Vol. 29, bk. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. N. Nikol'yukin. 30 vols. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Sen-Simon, A. [Saint-Simon, H.] 1948. [in Russian]. Vol. 1 of *Izbrannyye sochineniya [Collected Works]*, ed. by L. S. Tsetlin. 2 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

- Serafimov, V. V. 1900. "Solntse" [in Russian]. In vol. 30 of *Entsiklopedicheskiy slovar' [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]*, ed. by F. A. Brokgauz and I. A. Yefron, 767–776. 86 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya akts. obshch. "Izdatel'skoye delo".
- Svetlikova, I. Yu. 2015. "'Mest' Kopernika' [The Revenge of Copernicus]: kommentariy k poeme A. Bloka 'Vozmezdiye' [a Commentary on A. Blok's Poem 'Retribution']" [in Russian]. *Die Welt der Slaven* 60:300–318.
- Teylor, E. B. [Tylor, E. B.] 1872. [in Russian]. Vol. 2 of *Pervobytnaya kul'tura [Primitive Culture] : issledovaniya razvitiya mifologii, filosofii, religii, iskusstva i obychayev [Researches Into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art, and Custom]*, trans. from the English by D. A. Koropchevskiy. 2 vols. Сpb.: Izd. red. zhurnala "Znaniye".
- Tresch, J. 2012. *The Romantic Machine: Utopian Science and Technology after Napoleon*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Valbert, G. 1885. "La Chine et les Chinois" [in French]. *Revue des Deux Mondes* 71 (3): 213–225.
- Varburg, A. [Warburg, A.] "Yazycheski-antichnoye prorochestvo lyuterovskogo vremeni v slove i izobrazhenii [Pagan-Antique Prophecy in Words and Images in the Age of Luther]" [in Russian], trans. from the German by Ye. Kozina, 227–346.
- . 2018. "'Zavtrak na trave' Mane [Manet's Déjeuner sur l'herbe]: formoobrazuyushchaya rol' nizshikh antichnykh bozhestv v evolyutsii sovremennogo chuvstva prirody [Die vorprägende Funktion heidnischer Elementargottheiten für die Entwicklung modernen Naturgefühls]" [in Russian]. In *Mir obrazov. Obrazy mira [The World of Images. The Images of the World] : antologiya issledovaniy vizual'noy kul'tury [Anthology of Visual Culture Studies]*, ed. and trans. from the German by N. N. Mazur, 23–30. Moskva [Moscow]: Novoye izdatel'stvo.
- Wakeman, T. B. 1891. "Ernst Haeckel: His Life, Works, Career, and Prophecy." In *Evolution in Science, Philosophy, and Art : Popular lectures and Discussions Before the Brooklyn Ethical Association*, ed. by Brooklyn Ethical Association, 21–58. New York: D. Appleton.
- Ward, L. F. 1898. *Outlines of Sociology*. London: Macmillan & Co. Ltd.
- Wernick, A. 2003. *Auguste Comte and the Religion of Humanity: The Post-Theistic Program of French Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zilsel, E. 1942. "The Genesis of the Concept of Physical Law." *The Philosophical Review* 51 (3): 245–279.